

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ тринадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

4-го Мая 1875 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1875 г. по 20 коп. (жарнами).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 18.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.

за два раза 15 „

за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

Телеграммы, полученныя министромъ внутреннихъ дѣлъ отъ сувалскаго губернатора, отъ 27-го апрѣля 1874 г., о воссоединеніи униатовъ августовскаго благочинія:

1) «Отъ 11-ти часовъ утра. Воссоединеніе всѣхъ семи приходоу съ настоятелями церквей совершено высокопреосвященнымъ Іоанникомъ и затѣмъ отслужено благодарственное молебствіе. Литургія началась; стеченіе народа, женщинъ и дѣтей громадное. Общее настроеніе благоговѣйное.

2) «Отъ 3 часовъ пополудни. По окончаніи литургіи, архіепископъ благословилъ иконами и евангеліями депутатовъ отъ всѣхъ приходоу и крестиками нескончаемую толпу воссоединившихся. Во время народной трапезы, послѣ литургіи, тостъ за здоровье Государя Императора принятъ былъ съ неописаннымъ восторгомъ и неумолкающимъ «ура» воссоединившихся и присутствовавшихъ, числомъ болѣе трехъ тысячъ человекъ, въ чувствахъ неподдѣльной любви и благоговѣйной, непоколебимой преданности къ обожаемому Монарху».

— Августовское благочиніе (въ Сувалской губерніи) заключается въ себѣ семь грекоуниатскихъ приходоу, въ которыхъ числится 9,982 души прихожанъ. Въ настоящее время за воспослѣдовавшимъ, 27-го апрѣля, торжественнымъ воссоединеніемъ съ православною церковью населенія и духовенства всего благочинія, въ Сувалской губерніи не остается болѣе ни одного грекоуниатскаго прихода. Торжество происходило въ церкви села Вала-Церковная, настоятель которой, священникъ Филиппъ Троць, состоитъ благочиннымъ церковей августовскаго благочинія. Церковь эта къ предстоящему торжеству воссоединенія была снабжена отъ щедротъ Государя Императора церковною утварью и богатымъ священническимъ облаченіемъ.

— № 3625. Декабря 23-го дня 1874 г. По вопросу объ освобожденіи домовъ священно-церковно-служителей отъ оцѣночнаго городского сбора. Св. Правит. Синодъ слушалъ рапортъ Архіепископа Херсонскаго отъ 23-го Сентября 1874 г. за № 5647, объ освобожденіи

отъ оцѣночнаго сбора домовъ Новомиргородскаго духовенства. Приказали: разсмотрѣвъ ходатайство преосвященнаго архіепископа Димитрія объ освобожденіи отъ оцѣночнаго сбора домовъ Новомиргородскаго православнаго духовенства, въ которыхъ оно само живетъ, и сообразивъ съ законоположеніями, относящимися къ сему предмету, Св. Синодъ находить, что на основаніи 129-й ст. город. полож. Высочайше утвержденнаго 16-го Іюня 1870 г., оцѣночному сбору подлежатъ все состоящія въ городскихъ предѣлахъ недвижимыя имущества, за исключеніемъ перечисленныхъ въ этой статьѣ, въ числѣ коихъ не поименованы дома священно-церковно-служителей. Посему Св. Синодъ, признавая съ своей стороны, что дома священно-церковно-служителей, какъ ихъ собственность, подлежатъ оцѣночному городскому сбору, опредѣляетъ: дать знать о семъ указомъ Вашему Преосвященству. (Херс. Еп. Вѣд.)

— № 60. Января 9 д. 1875 г. О расторженіи брака крещенной изъ иудейства жены съ мужемъ евреемъ. Св. Правит. Синодъ слушалъ: предложеніе г. Оберъ-Прокурора, отъ 8 декабря 1874 г. за № 4556, въ которомъ изложено: Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу его, господина Оберъ-Прокурора, въ 7-й день декабря 1874 г. Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Св. Синода отъ 19 апрѣля (14 августа) 1874 г. о расторженіи брака крещенной изъ иудейства Елены Михайловой съ евреемъ Гиршею Іофомъ и о разрѣшеніи ей вступить въ бракъ съ лицомъ православнымъ. О такомъ Высочайшемъ соизволеніи г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ объявляетъ Св. Синоду для зависящихъ распоряженій. Справка. Крещенная изъ иудейства Елена Михайлова, по мужѣ Іофъ, обратилась въ Св. Синодъ съ прошеніемъ о расторженіи брака ея съ Гиршею Лейзеровымъ Іофомъ, оставшимся въ иудействѣ. Изъ сего прошенія и изъ представленныхъ преосвященнымъ полоцкимъ, въ рапортѣ отъ 5 марта 1874 г. за № 1747, свѣдѣній, Св. Синодомъ усмотрѣно: крещенная изъ иудейства Елена Михайлова, 21 года, по мужѣ Іофъ, признала невозможнымъ дать положенную въ ст. 81 зак. гражд. Т. X подписку о сключеніи мужа ея Гирши Іофа къ воспріятію православія и просила уничтожить бракъ съ нимъ, какъ потому, что по иудейству она была насильно отдана въ жену Гиршѣ Іофу и онъ по своему закону, съ принятіемъ ею крещенія, дол-

женъ былъ отречься отъ нея, такъ и потому, что ей предстоитъ опасность насильно быть возвращенною въ иудейство. Полоцкое епархіальное начальство свидѣтельствуешь, что изъясненные Еленою Михайловою доводы совершенно справедливы и неоднократно повторялись надъ еврейскими женщинами, оставившими свою религію. По вниманію къ симъ доводамъ и къ тому, что съ оставленіемъ Елены Михайловой въ супружествѣ съ Іофомъ ни сколько не будетъ достигнута предположенная въ ст. 81 зак. гражд. цѣль обращенія къ православію иновѣрнаго супруга, Св. Синодъ, полагая расторгнуть бракъ Елены Михайловой съ Гиршею Іофомъ и разрѣшить ей вступленіе въ бракъ съ лицомъ православнымъ, по опредѣленію своему 19 апрѣля (14 августа) представилъ г. и. д. Синодальнаго Оберъ-Прокурора испросить Высочайшее Государя Императора соизволеніе на приведеніе означеннаго разрѣшенія въ исполненіе. **П р и к а з а л и:** О вышеизложенномъ, Высочайше Государемъ Императоромъ утвержденномъ, опредѣленіи Св. Синода о расторгненіи брака крещенной изъ иудейства Елены Михайловой съ евреемъ Гиршею Іофомъ и о разрѣшеніи ей вступить въ бракъ съ лицомъ православнымъ, дать знать полоцкому епархіальному начальству для надлежащаго распоряженія и объявленія просительницѣ, по жительству ея, полтавской губ. Лохвицкаго уѣзда, въ с. Ригѣ у губерн. секр. Игнатія Кононовича Юшкевича. (Полоц. Еп. Вѣд.)

— 8 Марта 1875 г. О разрѣшеніи священнику слушать курсъ медицинскихъ наукъ. Св. Правит. Синодъ слушали рапоръ Кавказскаго преосвященнаго, коимъ онъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи заштатному священнику Петру Станицкому слушать курсъ медицинскихъ наукъ въ университетѣ Св. Владиміра, и, по справкѣ, **П р и к а з а л и:** Въ разрѣшеніе упомянутаго представленія дать знать, что со стороны Св. Синода препятствій не встрѣчается къ разрѣшенію заштатному священнику Петру Станицкому слушать курсъ медицинскихъ наукъ въ Киевскомъ Университетѣ съ тѣмъ, чтобы во время пребыванія его въ Киевской епархіи, онъ былъ подъ наблюденіемъ Киевскаго епархіальнаго начальства и чтобы, слушая курсъ медицинскихъ наукъ, устранилъ себя отъ тѣхъ дѣйствій, которыя соединены съ пролитіемъ крови, такъ какъ подобныя дѣйствія не совмѣстны съ саномъ священника и противны каноническимъ правиламъ. (Кавк. Еп. Вѣд.)

Мѣстныя Извѣстія.

— Некрологи. 17 Марта, въ день Алексія челоуѣка Божія, преставился въ вѣчность, на 75 г. своей жизни, заштатный священникъ Старо-Корнинской церкви, духовникъ Клещельскаго благочинія, **Келестинъ Ивановъ Бреннъ**. Вотъ краткая біографія его жизни. Отецъ его бѣдный крестьянинъ—труженикъ на маленькомъ участкѣ земли, имѣлъ три сына: Семеона, Келестина и Климента. Умный и толковый старикъ зналъ, что только образованіе можетъ дать дѣтямъ его положеніе въ свѣтѣ, а потому послѣдніа крохи своего скуднаго хозяйства употреблялъ на ихъ образованіе; всѣ они кончили Брестское шестиклассное училище, которое въ то время давало кончившимъ права гимназіи, и, по призванію своему, были священниками. Изъ нихъ Келестинъ еще съ среднихъ классовъ училища старался облег-

чить отцу своему тяжелое бремя своего воспитанія; будучи способнѣе и умнѣе многихъ своихъ товарищей, дѣтей помѣщиковъ, онъ помогаль имъ въ корретности уроковъ и имѣлъ зато маленькое вознагражденіе, которое было средствомъ его содержанія въ училищѣ. По окончаніи курса наукъ, онъ еще около двухъ лѣтъ былъ гувернеромъ при томъ же училищѣ, и, собравши нѣсколько рублей на дорогу, отправился въ м. Жировицы. Имѣя отличивый почеркъ, онъ занялъ мѣсто писмоводителя правленія Жировицкой семинаріи единственно съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность проходить богословскіе классы семинаріи. Семинарское начальство скоро отличило его способности и труды, и представило его кандидатомъ во священники. Въ 1831 г., на 31-мъ его жизни, онъ былъ рукоположенъ Львомъ еп. Владимірскимъ во священника къ Пречистенской церкви въ г. Кобринѣ, съ назначеніемъ въ должность депутата и вице-благочиннаго. Отсель начинается его пастырское служеніе, полное глубокой набожности и христіанской любви къ ближнимъ и даже ко врагамъ своимъ. 14 Октября 1838 года онъ перемѣщенъ къ настоящей церкви. 1 Апрѣля 1845 г. награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею. 8 Сентября 1848 г. награжденъ набедренникомъ. 6 Апрѣля 1862 г. Всемилостивѣйше награжденъ камилавкою. 10 Сентября 1869 г., по прошенію, уволенъ въ заштатъ съ пенсіономъ. 1871 г. 20 Мая, за примѣрную и долговременную службу, награжденъ наперснымъ крестомъ, а также имѣлъ бронзовый наперсный крестъ въ память Севастопольской войны и медаль въ память усмиренія польскаго мятежа, бывшаго въ 1863 и 1863 годахъ. Болѣе 30-ти лѣтъ онъ страдалъ ранами на ногахъ; боль отъ этихъ ранъ была по временамъ жестокая, но она никогда не отвлекала его отъ обыкновенныхъ молитвенныхъ занятій. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ не могъ уже ходить въ церковь, но и тогда не пропустилъ ни одного дня безъ богослуженія у себя въ домѣ. Послѣднихъ 7 дней онъ уже не вставалъ съ постели и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ въ силахъ. Проснувшись въ 6-ть часовъ утра 17 Марта, онъ, на вопросъ служанки—не выпьетъ ли стаканъ чаю, отвѣчалъ „нѣтъ, еще будетъ время послѣ, — мнѣ чтото еще спать хочется“ послѣ этого какъ будто вздремнулъ и уснулъ навѣки. Смерть его была тихая. Предъ смертію онъ съ глубокимъ благоговѣніемъ принялъ св. елеосвященіе, былъ у исповѣди и причастія св. таинъ.

— 5-го сего Апрѣля скончался, на 75 году отъ роду, послѣ продолжительной болѣзни, іеромонахъ Жировицкаго монастыря **Игнатій**, который и погребенъ 7 Апрѣля настоятелемъ монастыря на братскомъ кладбищѣ.

— Отъ Редаціи. Редація просить оо. Благочинныхъ: Клещельскаго, Дорогичинскаго и Брестскаго, а равно настоятелей церквей нѣкоторыхъ др. благочиній поспѣшить высылкою подписныхъ денегъ за 1874 г., а Дорогичинскаго благочиннаго—и за 1873 годъ.

— **Вакаціи — Священниковъ**—въ с. *Стригость*—Кобрин. уѣзда въ с. *Черняхъ*—Брестскаго уѣзда и въ с. *Григоровичахъ*—Дисненскаго уѣзда. **Псаломщиковъ:** въ с. *Мизирахъ* и м. *Ружанъ*—Слоним. уѣзда, въ *Козачинъ*—Ковенской губерніи, въ с. *Сотлянахъ*—Свенцянскаго уѣзда, въ с. *Голомыслъ* Диснен. уѣзда, *Цудешикахъ*, *Интуркахъ*—Вилен. уѣзда, въ с. *Крайскъ*—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Бяловъжъ*—Пружанскаго уѣзда, въ

и. *Мотоль*—Кобринскаго уѣзда въ с. *Приборовъ*—Брестскаго уѣзда и въ г. *Ошмянъ*.

Неофициальный Отдѣль.

— „Московскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что 22 апрѣля, въ 7 часу вечера, прибылъ по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ въ Троицкую Сергіеву Лавру высокопреосвященный архіепископъ Литовскій Макарій, имѣющій порученіе отъ св. синода произвести ревизію Московской духовной академіи. На станціи желѣзной дороги онъ былъ встрѣченъ инспекторомъ академіи, профессоромъ С. К. Смирновымъ, и по вступленіи въ обитель преподобнаго Сергія, которая встрѣтила его съ полнымъ колокольнымъ звономъ, въ Троицкомъ соборѣ прикладывался ко св. иконамъ и къ мощамъ преподобнаго Сергія; за тѣмъ, помолчившись въ храмѣ преп. Никона и въ келии преп. Сергія, перешелъ въ храмъ праведнаго Филарета и поклонился на мѣстѣ, гдѣ погребенъ приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ. Предъ вступленіемъ въ лаврскія келии митрополита Московскаго, высокопреосвященный былъ встрѣченъ и привѣтствованъ ректоромъ Московской духовной академіи, протоіереемъ А. В. Горскимъ и однимъ изъ его помощникомъ, профессоромъ В. Д. Кудравцевымъ. Преподавъ въ келияхъ благословеніе старшей братіи лавры и затѣмъ, послѣ непродолжительной бесѣды, отпуская отца ректора, помощника его и инспектора, объявилъ, что на другой день начнетъ обзоръ академіи.

Въ 9 часовъ утра слѣдующаго дня въ актовомъ академическомъ залѣ представлялись его высокопреосвященству наставники и студенты академіи. Преподавъ благословеніе и сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ каждому изъ наставниковъ въ отдѣльности, высокопреосвященный обратился ко всей корпораціи наставниковъ приблизительно съ слѣдующими словами:

„Давно я уже имѣлъ удовольствіе видѣть вашу академію,—кажется это было въ 1848 г.,—но видѣлъ я тогда ее мелькомъ и потому представленіе о ней осталось у меня смутное. Въ настоящее время я долженъ познакомиться съ нею обстоятельнѣе, чтобы вынести о ней понятіе ясное и раздѣльное. Въ средѣ вашей, ученые братія, я имѣлъ честь быть знакомымъ только съ немногими, и то не коротко. Но за то съ очень многими изъ васъ я знакомъ и могу сказать очень коротко, по ученымъ и литературнымъ трудамъ, къ которымъ я относился всегда съ уваженіемъ. Тѣмъ пріятнѣе теперь лично познакомиться съ вами. Прихожу къ вамъ во имя науки. И въ интересѣ науки желалъ бы исполнить съ успѣхомъ возложенное на меня порученіе. Прошу пособить мнѣ въ этомъ, а пособить вы можете не мало. Конечно, каждый изъ васъ знакомъ больше съ своею наукой, нежели насколько я могу узнать въ короткое время. Поэтому покорнѣе прошу каждого изъ васъ коротко на бумагѣ изложить: какъ смотритъ каждый изъ васъ на свою науку; успѣваетъ ли прочитывать ее всю, какія руководства и пособия даете гг. студентамъ и не сознаетъ ли кто-либо изъ васъ нужды въ особыхъ мѣрахъ къ постановкѣ своей науки въ нѣсколько иное положеніе въ составѣ академическаго курса? и т. п.—все это прошу изложить письменно съ возможною краткостью, но точно. Я принялъ бы это съ искреннею благодарностью. Въ другихъ академіяхъ мнѣ гг.

наставники въ этомъ не отказывали. Надѣюсь, что и вы едѣлаете то же“.

Затѣмъ, благословивъ каждого изъ студентовъ академіи, его высокопреосвященство обратился къ нимъ приблизительно съ такими словами: „Я прибылъ къ вамъ, господа, едва ли не въ самое трудное для васъ время, когда вы должны готовиться къ экзаменамъ, которые, кажется, почти пора и начинать. Но вы пожалуста не стѣсняйтесь моимъ присутствіемъ: продолжайте заниматься своимъ дѣломъ. Васъ особенно много я тревожить не буду, а главнымъ образомъ буду изучать тѣ условія, среди которыхъ происходитъ ваше воспитаніе. Для ознакомленія собственно съ вами я посвящу три или четыре дня“.

Добрый и привѣтливый пріемъ, оказанный его высокопреосвященствомъ и наставникамъ и студентамъ академіи, произвелъ на тѣхъ и другихъ самое пріятное впечатлѣніе. По окончаніи пріема, посѣтивъ на короткое время о. ректора и помолившись въ академической церкви, высокопреосвященный до часу дня слушалъ лекціи семи наставниковъ академіи по полчаса у каждого изъ нихъ, и затѣмъ возвратился въ свои келии.

Укладъ (Продолженіе).

Самое богатое время у крестьянина хлѣбопашца осень, „осенью и воробей богатъ“, говоритъ крестьянинъ, „кто грошей не мая осенью, той не господарь, а кто мяса не подѣвстъ осенью, той и цѣлый годъ не запробуя“. И правда, что у крестьянъ, даже самыхъ бѣдныхъ кутниковъ, осенью и копѣйка имѣется и мяса вдоволь: онъ собиралъ плоды, обмолотилъ пшеничку, часть которой продалъ, другую смолотъ, третію на сѣмена оставилъ, сбывъ выгодно семячко льняное, принялъ овечекъ и ликуеть. Поэтому осенью мы по преимуществу встрѣчаемся съ богатыми укладами крестьянъ, какъ то: ставры, приклады и осенины. Ставры и осенины существуютъ подъ общимъ наименованіемъ дѣдовъ, или общихъ поминокъ и различаются тѣмъ, что 1., не одновременно происходятъ, такъ: ставры отбываются вечеромъ на канунѣ 14 Сентября, почему и называются ставрами, или поминками крестными; а осенины между дмитріевской субботой и днемъ Космы и Даміана, т. е. отъ 26 Октября до 2 Ноября—дня, въ который у латинянъ поминаются всѣ усопшіе; и 2., Ставры отбываются съ меньшею торжественною обстановкою, или не такъ, какъ говорятъ крестьяне, „гучно“¹⁾ какъ осенины.—Это потому, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ крестьянинъ, хотя собралъ плоды съ поля и засѣялъ озимый хлѣбецъ, но не успѣлъ обмолотить пшеничку, сбывъ сѣмечко, его еще овечки, которыхъ онъ имѣетъ въ виду принять, питаются въ полѣ подножнымъ кормомъ и изъ рукъ господара не просятъ; въ осенины же онъ обмолотилъ, сбывъ и принялъ.

На ставры было воздвигнуто гоненіе латинскими ксендзами и польскою шляхтою: ихъ апаемствовали съ амвоновъ въ костелахъ словами: „ставры гавры гамъ!“ Если принять во вниманіе, что колонизаторы края видѣли въ ставрахъ отпечатокъ православнаго поминовенія умершихъ предъ праздникомъ воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня совершаемаго, который праздникъ у православныхъ

1) Гучно—значитъ роскошно—богато.

стоитъ въ числѣ двенадцатыхъ, а у латинянъ въ числѣ меньшихъ праздниковъ, то будетъ понятно такое анаематство. Вспомнивъ то печальное время колонизаціи и латинизаціи края, когда вѣру православную и православныхъ колонизаторы клеймили наименованіями: „схизма, хлопство и собачество“, открывается, что слова: „ставры гавры гамъ“ однозначачи словамъ: „ставры обчій собачій“. И этотъ обычай твердо удержался тамъ, гдѣ вліяніе ксендзовъ и шляхты было слабѣе, и напротивъ, гдѣ оно было сильнѣе, ослабѣвалъ и обычай ставровъ.—Это мы видимъ изъ сравненія двухъ смѣжныхъ уѣздовъ: Борисовскаго Минской губерніи, въ которомъ ставры повсѣмѣстны, и Вилейскаго Виленской губерніи, въ которомъ ставры рѣдкостны.

Но посмотримъ какъ эти ставры отбываются.—Всякій хозяинъ старается къ ставрамъ околотить нѣсколько сноповъ пшенички, смолоть зернышко въ домашнихъ ручныхъ жерновахъ на пироги и принять изъ своего стада одну молодую овечку; хозяйка 13 Сентября уже варитъ квасокъ и крушникъ съ бараниной и печетъ пироги количествомъ по числу душъ семьи и двѣ малыя перепечки: одну для нищихъ, другую въ церковь. Вечеромъ того же дня начинаются ставры плачемъ крестьянокъ съ причитаньями по умершимъ роднымъ; послѣ этого плача накрывается столъ, на столѣ стравъ 2) и водка, зажигается восковая громничная свѣча, 3) читаются молитвы, въ числѣ коихъ и заукойная, хозяинъ обводитъ кругомъ налитой стравы трижды свѣчу, прикрѣпляетъ ее къ образу и вся семья принимается за брашно и питье. Послѣ этого ужина читаются тѣ же молитвы что и предъ ужиномъ и свѣча гасится, но столъ съ остаткомъ пищи и приборомъ неубирается, а остается неубраннымъ до утра при томъ повѣрьи, что придутъ за этотъ столъ на ставры души покойныхъ родственниковъ. Утромъ 14 Сентября домохозяева съ перепечками, а хозяйка съ кусочками полотна, ручейками льна и горстью овечьей шерсти отправляются, какъ говорятъ, „на кермашъ“ въ ту церковь, храмъ которой посвященъ во имя воздвиженія креста Господня, гдѣ предъ церковь въ два ряда разсаживаются нищіе. Проходя въ церковь между рядовъ нищихъ, крестьяне раздѣляютъ имъ перепечки, прося помануть своихъ родныхъ, и тутъ на разные моды раздаются причитанья нищихъ: „помани Боже Антонову душечку... Ахъ помани жъ Боже... припомни... за способъ житья Петруся.., за здоровейку Мариси..., за скотинку Яна..., за пчелки Симона..., за урожай Якуба“ и т. д. Въ церкви крестьяне на приготовленный столъ кладутъ перепечки, крестьянки на выносимый образъ вѣшаютъ кусочки полотна, кладутъ ручейки льна и горсти овечьей шерсти; тутъ же одинъ изъ членовъ причта, или повѣренный на листъ бумаги записываетъ карандашемъ и принимаетъ отъ крестьянъ 15. 20. 25 и 30-ти копѣечные на разные интенціи поминовеній, въ числѣ коихъ слышится „отъ наложниковъ, 4) отъ и за напасти 5)“. Послѣ богослуженія крестьяне отправляются въ корчму, или въ церковной оградѣ разсаживаются кружками и закусываютъ, запасенными съ собою изъ дома, пирогами и масляниками 6) и пьютъ водку. Этимъ

и заканчиваются ставры, а вмѣстѣ съ ними и кермашъ воздвиженскій.

Прослѣдивъ весь обиходъ ставровъ, мы видимъ въ нихъ одно только суевѣріе въ томъ, что крестьянинъ вѣритъ въ приходъ на ужинъ своихъ покойниковъ, во всемъ же прочемъ мы не видимъ въ нихъ ничего предосудительнаго. За что же, спрашивается, ихъ анаематствовали ксендзы во время своего юбилея. Въ дополненіе къ высказанной мною выше цѣли гоненія ставровъ ксендзами, мы видимъ причину и добавочную.—Послѣ ставровъ крестьянинъ спѣшитъ не въ костелъ, а въ церковь, которая торжественно воздастъ честь животворящему кресту и прославляетъ распятаго на немъ Господа. Но, кромѣ того, и не съ пустыми руками приходитъ крестьянинъ,—въ пользу храма Божія онъ приноситъ холстъ, ленъ и волну и ставитъ свѣчи, а въ пользу православныхъ служителей хлѣбъ и трудовой грошъ, прося у нихъ за то помолиться за умершихъ своихъ близкихъ и за весь свой бытъ. Но не предосудительны ли тутъ приношенія для служителей алтаря? Служащіе алтарю отъ алтаря и питаются—заповѣдь апостольская. Въ осенни же, особенно 2-го ноября, весь наплывъ народа съ приношеніями бываетъ въ костелахъ; а потому, несмотря на то, что въ осенинахъ болѣе находимъ суевѣрій нежели въ ставрахъ, ксендзы не анаематствуютъ этихъ осенинъ.

Для сравненія этого слѣдовало бы теперь познакомиться съ осенинами, но какъ съ осенинами схожи еще другіе поминальные дни, или дѣды, то я перехожу прежде къ прикладамъ, тѣмъ болѣе, что у насъ остается свѣжая могила долго не прикрытою и безъ памятника.—Отъ 2-го Ноября, въ продолженіе цѣлаго года, до осенинъ могилы умершихъ не прикладываются и только съ перваго Октября крестьяне начинаютъ приготовляться къ прикладамъ. Болѣе состоятельные домохозяева заказываютъ заукойныя обѣдни по умершимъ въ продолженіе года своимъ родственникамъ; впрочемъ заукойныя обѣдни заказываются иногда и домохозяевами, въ семьяхъ которыхъ въ году небыло смерти. Такихъ обѣденъ въ началѣ поступленія моего на приходъ не превосходило числа пяти, а теперь доходитъ до пятнадцати. За обѣдни крестьяне платятъ рубль и рубль двадцать копѣекъ, смотря по состоянію заказывающаго, изъ коихъ двадцать копѣекъ отдѣляется на расходы церковныя, какъ то: свѣчи, вино и просфоры, а остатокъ поступаетъ въ пользу причта. Но когда на одну обѣдню складываются два домохозяина, тогда за обѣдню получается полтора рубля. Менѣе состоятельные и бѣдняки приносятъ отъ 15 до 30 копѣекъ на поминовеніе покойниковъ.—Такія приношенія въ православныя церкви въ послѣднее время возрастаютъ по той причинѣ, что латинскіе ксендзы возвысили цѣну за читанья мши, за которыя прежде принимали 30 копѣекъ, а теперь не менѣе 50, главное же потому что, принимая на мши, они не записываютъ именъ тѣхъ, за которыхъ приносятся и которыхъ слѣдуетъ поминать, что у православныхъ священниковъ свято соблюдается. За спѣваную мшу ксендзы получаютъ отъ 3 до 10 рублей, да органисты не менѣе 30 копѣекъ; все же погребеніе съ обѣднею и всею церемоніею обходится у нихъ отъ 10 до 50 рублей, а помѣщики платятъ и болѣе. Неудивительна послѣ сего затруднительность перехода ксендзовъ въ православіе, не смотря на всю явную правоту и истину сего послѣдняго, когда съ переходомъ соединяется потеря огромныхъ матеріальныхъ средствъ для пробоща. Латинскій ксендзъ—магнатъ въ глазахъ сельскаго священника и такимъ магнатомъ онъ себя и являетъ.

2) Стравъ значитъ кушанье.

3) Освящаемая въ день Срѣтенія Господня.

4) Наложникъ—нужно понимать въ смыслѣ гонитель.

5) Напастникъ—значитъ лжесвидѣтель.

6) Масляники состоятъ изъ толченаго въ ступѣ мака съ медомъ—комы.

Желая быть безпристрастнымъ и вѣрнымъ повѣствователемъ, я не преувеличиваю здѣсь ни на югу, а потому прошу у читателей снисходительности и извиненія за свою откровенность. Являя дѣла сокровенныя, я не грѣшу противъ дѣйствительности, хотя бы нѣкоторымъ то показалося и колко!

Но возвратимся къ повѣствованію. — Отъ Покрова Пресвятой Богородицы слышишь торги состоятельныхъ крестьянъ съ каменщиками о памятникахъ, видишь въ полѣ крестьянина, молотомъ долбящаго камень и изъ этого камня выдѣлывающаго крестъ, а тамъ надъ плитою трудится молодой парень, выклеывая на ней крестикъ и годъ смерти; менѣе состоятельный и бѣднякъ ползетъ къ пану съ просьбой пожертвовать для покойника ель на крестъ и прикладку: рубать, чешуть, стругаютъ, дѣлая кресты 4-хъ, 6-ти.. и кто и 8-ми—конечные; а вотъ очесанное полѣно въ ростъ могилы,— это прикладка. Кипитъ дѣятельность крестьянская, да и какъ не кипѣть ей, когда все это дѣлается въ память любимаго существа, перешедшаго въ жизнь загробную и оставившаго насъ до времени въ морѣ житейскихъ волненій, кипитъ съ полною вѣрою долго ли коротко ли соединиться съ нимъ вѣчно. При этой незатѣйливой дѣятельности въ сельской глуши видишь все богатство духовной жизни простолюдина, жизни вѣчной и сравнивая этого младенца чудной мудрости съ тѣми, у которыхъ, какъ говорится, заходить умъ за разумъ, открываешь всю душевную наготу міростихійныхъ мудрецовъ вѣка сего рационалистовъ, матеріалистовъ и проповѣдниковъ религіи безсознательнаго. И дорого намъ наше богатство,—въ немъ все наше существованіе, существованіе безъ предѣла жизни для души. Отними у вѣрующаго это богатство,—убьешь его живо. Спрашивается: на что жить, на что трудиться; ужели для одной только временной плотяной потребности? А гдѣ душа?—Это не согласно съ понятіемъ о свободноразумномъ существѣ. Нѣтъ, мы полны жизни: вѣры, надежды и любви,—вотъ наша софія! И никто, нетолько геній человѣческой, но и умъ ангельскій не въ силахъ дать намъ то, что даровалъ намъ Христосъ Господь, Спаситель міра: нашъ Путь, наша Истина и Жизнь.

Осѣнявъ себя и своихъ прихожанъ крестнымъ знаменіемъ, повѣствую дальше. — Пришелъ день прикладовъ, чуть свѣтъ являются къ домохозяину званые гости, т. е. свѣтъ, которые участвовали при погребеніи, выдается постный завтракъ, состоящій изъ овсянаго киселя, толокна и масляниковъ, послѣ котораго, говоря о состоятельномъ, хозяинъ и половина гостей отправляются на обѣдню, а другая половина остается дома для приготовления къ прикладамъ. Но вотъ отслужена обѣдня, привезены на кладбище кресты, памятники и прикладки, нарѣзаны дерны—покрывала для могилъ, прибылъ и священникъ туда же съ псаломщикомомъ. „Здравстуйте братцы!“ Простоголовая толпа мужчинъ и женщинъ въ одинъ голосъ отвѣтствуютъ: „здравства батюшка!“ „Принимайтесь голубчики за дѣло и помолимся Господу.“ Тишина прекращается и заступы на всемъ ходу облаживаютъ и прибавляютъ насыпи могилъ, копаютъ ямы для крестовъ, разстилаютъ дерновые ковры, ставятся памятники, укрѣпляются кресты и кладется на могилу обчесанная плашка дерева,—это прикладка. „Все готово, отецъ духовный“, докладываетъ почетный прихожанинъ, и начинается молитва.

Освящая памятники и кресты и поминая умершихъ, не спѣши православный пастырь въ чтеніи и пѣніи,—дай вре-

мя проникнуть всякому слову священной пѣсни до глубины души простолюдина, души жаждущей духовной пищи, и повѣрь, что не только души пасомаго тобою, но и твоя собственная будетъ преисполнена небесной манною.

Вѣчная память, всемія людямъ молящимся пропѣтая, эхомъ отъ далекихъ горъ и лѣсовъ возвращаясь, умоляетъ; могилы, кресты, памятники и людъ православный все окроплено святою водою и настаѣтъ тишина безмолвная. Прислушайся къ этой тишинѣ и поразмысли и, если ты пламенно молился, духовно уразумѣешь, что вся природа сочувствуетъ твоей молитвѣ. Сладко, сладко бываетъ тогда на душѣ и только тотъ этому не повѣритъ, кто не испыталъ сей сладости, пастырямъ же народа она знакома и природна. Но какъ не повѣритъ, когда каждый, хотя разъ въ жизни, сдѣлавшій по истинѣ доброе дѣло, не можетъ не ощутить въ душѣ своей небесной радости.—Здѣсь называется жизнь свободноразумнаго существа, носящаго образъ Божій.

Отправивъ свое дѣло, священникъ спѣшитъ въ свой домъ; но подожди отецъ, твое присутствіе здѣсь еще нужно: я покажу тебѣ обратную сторону этой живой картины, которая помрачается суевѣріемъ.—Послѣ твоей молитвы на могилахъ растилаются скатерти, на нихъ ставится закуска и водка, усаживается народъ кругомъ могилы и, подобно тому какъ на погребальномъ обѣдѣ, круговая чарка обходитъ всѣхъ и всякій поливаетъ нѣсколько капель на могилу для умершей, а послѣ закуски всѣ остатки со скатерти стряхиваются на могилу: и крупичи хлѣба, соли и обглоданные кости мяса,—пусть де покушаетъ умершая. „Православный, не подчуй могилу умершей ни закуской, ни водкой; умершая этого не желаетъ и въ этомъ не нуждается, она проситъ только молитвъ церковныхъ,—вотъ ея насущная пища; а ты сквернишь теперь освященное молитвою и святою водою мѣсто покоя.

Въ былое время въ приходѣ, который я занимаю, на приклады священника не приглашали, а сами читали шепотомъ молитвы и пѣли польскія пѣсни; но, узнавъ объ этомъ, я самъ вторгся въ это дѣло. Этимъ кончаются приклады и хозяинъ выдаетъ дома полный мясной обѣдъ, на которомъ прежде, въ видѣ закуски, подается мясо и оладки заливаемые смѣтаной, или масломъ, потомъ кислая страва, далѣе груца⁸⁾, крупникъ, каша, мясо и наконецъ жаренный пѣтухъ. Всѣ кушанья происходятъ съ выпивкой и проходятъ безъ замѣчательныхъ особенностей, кромѣ пѣтуха.—Пѣтуха беретъ одна изъ старухъ, начинаетъ пѣть по пѣтушьи, подымается общій гомонъ, гости бросаются къ старухѣ отнять пѣтуха, она убѣгаетъ, сопротивляется, но въ концѣ концовъ пѣтуха отъ старухи отнимаютъ, раздѣляютъ. Въ подобной игрѣ съ пѣтухомъ гости изъявляютъ хозяину желаніе будить домохозяевъ по пѣнію пѣтуха, чему жареный пѣтухъ и служить у нихъ символомъ. Окончивъ повѣсть о прикладахъ, я пока до времени останавливаю свои замѣтки на осенякахъ.

Гнѣздиловской ц. Священ. Александръ Троицкій.

⁸⁾ Груца состоитъ изъ толченаго въ ступѣ густо свареннаго ячменя.

О КАРТОЧНОЙ ИГРѢ.

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ оговориться, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній и пререканій. Пусть не упрекаютъ насъ въ односторонности и узкости взгляда на обязанности житейскаго человѣка и въ излишней строгости къ его удовольствіямъ и развлечениямъ. Мы очень хорошо знаемъ, что человѣкъ не ангель, что непрерывно держаться въ сферѣ одного серьезнаго и важнаго ему невозможно; что веселье, игра и удовольствіе ему по временамъ стольже бывають нужны, сколько разнообразіе въ пищѣ, для поддержанія бодрости и энергіи его духа. Извѣстно, что колеблющіяся волны даютъ жизнь и движеніе огромной массѣ водъ; дуновеніе вѣтра разноситъ свѣжесть и прохладу въ атмосферѣ, которою мы дышемъ. Мы готовы признать именно такое освѣжающее значеніе въ человѣческихъ удовольствіяхъ и развлеченияхъ.

Но во первыхъ всякое развлеченіе, чтобы достигало указанной почетной и истинно человѣческой цѣли, должно все-таки содержать въ себѣ нѣкотораго рода духовную пищу—въ одно и тоже время и легкую и питательную для человѣческаго духа, конечно соотвѣтственно возрасту, наклонностямъ и темпераменту человѣка. Т. е. игра и развлеченіе не должны быть безцѣльною тратою или убиваніемъ времени, а должны пріятнымъ и достойнымъ образомъ дѣйствовать на воображеніе и чувство человѣческа, дабы живи на нѣкоторое время преимущественно этими прекрасными и нѣжными своими способностями человѣкъ нашель успокоеніе отъ своихъ умственныхъ трудовъ, или невзгодъ житейскихъ. Короче: игра и удовольствіе—должны носить на себѣ печать человѣческаго достоинства. Такое понятіе объ этомъ предметѣ можно найти въ любомъ, рационально составленномъ педагогическомъ руководствѣ.

Приложимъ это понятіе къ карточной игрѣ. Какая въ ней пища для воображенія и чувства человѣческаго? Изящныхъ образовъ и картинъ, кромѣ примелькавшихся значковъ и фигуръ, нѣтъ никакихъ. Интересныхъ психологическихъ случаевъ и явленій, вызывающихъ на размышленіе и пробуждающихъ идеальныя мечты и отрадные надежды,—здѣсь тоже нѣтъ, кромѣ монотонно и безконечно повторяющихся сочетаній различныхъ мастей. На зеленомъ карточномъ полѣ не растутъ, какъ извѣстно, и не цвѣтеть никакихъ цвѣтовъ, и въ карточной атмосферѣ не слышится никакихъ особенно пріятныхъ звуковъ или благовоній. А между-тѣмъ посмотрите, какъ это развлеченіе крѣпко усаживаетъ, или точнѣе—приковываетъ людей къ одному мѣсту. По ихъ серьезнымъ лицамъ видно, что они напряженно мыслятъ; по ихъ сухимъ и отрывочнымъ фразамъ видно, что они волнуются, хоть и прятуютъ другъ отъ друга эти свои волненія; по ихъ притворному смѣху и напускной веселости, и вообще по ихъ нестройнымъ и нервнымъ движеніямъ видно, что кровь у нихъ течетъ быстрѣе обыкновеннаго, и что это именно обстоятельство и имѣетъ для нихъ какую-то втигивающую и увлекающую силу. Что же оказывается при внимательномъ наблюденіи? Оказывается, что просто корысть—деньги составляютъ тотъ секретъ, въ которомъ заключается обаятельная сила карточной игры. Оказывается, что это вѣрно не по отношенію только къ страстнымъ и записнымъ игрокамъ, но къ играющимъ вообще. Возражать противъ этого, кажется, трудно. Ибо кто же видалъ, чтобы люди засидѣлись за картами, когда игра идетъ безденежная? Увлекаетъ и волнуетъ людей не премѣнно интересъ, хоть ничтожный, копѣчный,—а все же интересъ. Съ исчезновеніемъ этой копѣйки пропадаетъ и весь интересъ игры,—и карты бросаются, какъ вещь сама въ себѣ ни къ чему ненужная и бесполезная. Не всѣ конечно играющіе суть игроки, и не всѣ играютъ съ корыстною жаждою пріобрѣтенія; но несомнѣнно то, что во всякомъ человѣкѣ, даже и не корыстномъ, когда онъ садится за карты, загорается,—такъ—въ видѣ незамѣтной и чуть-чуть тлѣющей искорки,—желаніе выиграть и нежеланіе проиграть, по той естественной причинѣ, что первое пріятнѣе послѣдняго. Судя по характеру и по цѣнности игры, эта искорка можетъ усиливаться, и иногда весьма ярко и неожиданно вспыхнуть, чтобы потомъ опять исчезнуть до новаго возбужденія. На такія вспышки человѣческая натура, какъ извѣстно, весьма

способна. А давайте имъ этимъ вспышкамъ, хоть изрѣдка пищу,—и человѣкъ будетъ уже искать случая, гдѣ-бы поиграть! Изъ всего этого выходитъ наружу та несомнѣнная, хоть съ перваго раза можетъ быть и незамѣтная истина, что карточная игра, даже въ самомъ простомъ и, такъ сказать, невинномъ своемъ видѣ, содержитъ въ себѣ вредное начало, и что если карточное удовольствіе разложить на его составныя элементы, то на днѣ и въ основаніи его получаютъ деньги и корысть; а подобнаго рода удовольствія едва ли можно назвать достойными человѣка!...

Есть и еще признакъ, или условіе, ради котораго за человѣческими удовольствіями и увеселеніями можно признать извѣстную долю добраго и воспитательнаго значенія. Признакъ этотъ состоитъ въ томъ, дабы удовольствіе имѣло характеръ временнаго отдыха, и дабы оно столько брало у человѣка времени отъ его серьезныхъ обязанностей, сколько именно нужно для восстановленія его нравственно-духовныхъ силъ, утомленныхъ серьезными трудами и работой. Въ противномъ случаѣ, т. е. если забавы и развлечения,—въ чемъ бы онѣ ни состояли,—будутъ поглощать у человѣка значительную и, можетъ быть, лучшую часть его времени; если для этихъ забавъ и развлеченій человѣкъ будетъ урѣзывать время отъ своихъ прямыхъ и серьезныхъ обязанностей; если онъ съ волненіемъ и нетерпѣливымъ безпокойствомъ дожидается тѣхъ завѣтныхъ минутъ, когда онъ можетъ предаться своимъ любимымъ забавамъ и удовольствіямъ: въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякое нравственное значеніе этихъ забавъ и удовольствій; ибо онѣ дѣлаются цѣлюю человѣческой жизни, тогда какъ имъ нужно бы только быть средствомъ для наилучшаго и многоплоднаго перенесенія серьезныхъ жизненныхъ трудовъ и работъ. *Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ, говоритъ Премудрый,—время плакати и время смѣятися, время рыдати и время ликовати (Еккл. III, 1. 4.)* На этомъ основаніи не только страстно преданнаго забавамъ и удовольствіямъ человѣка, но и любящаго ихъ нѣсколько болѣе надлежащаго, мы уже не назовемъ человѣкомъ вполне серьезнымъ, не назовемъ истиннымъ и вѣрной служакой,—и справедливо; ибо въ его время—препровожденіи есть уже нѣкотораго рода измѣна долгу, есть не добрые задатки, ибо время—свой наилучшій и драгоценнѣйшій капиталъ—этотъ человѣкъ способенъ размѣнивать на фальшивыя и малоцѣнныя вещи.

Попробуемъ приложить эти общія и безспорно истинныя разсужденія къ карточной игрѣ. Что же, много она беретъ у насъ времени, или нѣтъ? Пусть каждый спроситъ объ этомъ у своей совѣсти. Дѣло такого рода, что произнести объ немъ какія нибудь общія и рѣшительныя заключенія, которыя были бы вѣрны и имѣли значеніе по отношенію къ каждому изъ насъ въ отдѣльности,—здѣсь невозможно. Но есть однакоже, нѣкоторые весьма замѣтныя и крупныя явленія въ нашей общественной и домашней жизни, по которымъ можно судить о градномъ количествѣ времени, гибнущаго въ пользу карточной игры. Къ таковымъ явленіямъ можно напр. отнести тѣ многочисленныя въ году, такъ называемыя, клубныя дни, или точнѣе клубныя вечера, длящіяся обыкновенно до полуночи, а иногда и далеко за полночь, и приносимыя весьма часто почти исключительно въ жертву карточной игрѣ. Живой обмѣнъ мыслей о разныхъ общественныхъ явленіяхъ и политическихъ вопросахъ, взаимная поучительная передача мыслей и чувствъ въ дружеской и откровенной бесѣдѣ—все это оказывается для большей части клубныхъ членовъ только благовиднымъ предлогомъ, и отвлеченною цѣлюю, красиво стоящею во главѣ клубныхъ правилъ и постановленій. Въ истинѣ же люди тутъ другой имѣютъ умыселъ, и другія преслѣдуютъ цѣли. Собираются въ большинствѣ случаевъ просто за тѣмъ, чтобы убить время,—и дѣйствительно убивають его безпоощадно за игрой. О клубныхъ карточныхъ подвигахъ ведутся потомъ оживленные разказы и въ клубовѣ... Пусть же каждый клубный членъ сосчитаетъ тѣ случаи, когда ему приходилось возвращаться домой въ глухое полночное время, а иногда и при свѣтѣ утренней зари, съ болью въ поясницѣ, съ ослабленными нервами, съ вялыми и красными глазами и съ воображеніемъ, переполненнымъ карточными сценами, пусть сложитъ все время, проведенное такимъ образомъ въ продолженіи года,—и тогда окажется

какая огромная масса времени затрачивается на игру, и какое количество дѣлъ самыхъ серьезныхъ и важныхъ и наименѣе полезныхъ могъ бы каждый надѣлать за это время!...

Но не менѣе тратится времени на игру и въ домашнихъ собраніяхъ. Эти собранія бывають, какъ извѣстно, весьма часты и многочисленны. Можно сказать, вся наша неофициальная общественная жизнь идетъ по вечерамъ и почамъ, когда настаетъ досугъ отъ службы и казенныхъ трудовъ. Люди собираются тогда въ группы, разсыпаются въ гостеприимныхъ домахъ своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Предварительныя бесѣды о томъ о семъ, и посыпанная солью остроумія рѣчи о разныхъ текущихъ событіяхъ дня— скоро истощаются, чувствуется потребность заняться любимымъ карточнымъ дѣломъ,—и вотъ предупредительный хозяинъ, подмѣтивъ это движеніе въ своихъ гостяхъ, разставляетъ завѣтные зеленые столы,—и общество оживляется: начинается игра, въ которой принимаютъ весьма охотно участіе и женщины. Эти домашнія игры, такъ же какъ и клубныя, длятся обыкновенно до поздней и глубокой ночи. Если наудачу войти въ какой-нибудь изъ нашихъ, ярко освѣщенныхъ среди полумночной тьмы, домовъ,—то не будетъ удивительно, что попадешь на игру и на играющихъ. Если бы и здѣсь можно было сосчитать все время, приносимое въ жертву демону игры, то какая поучительная и грустная вышла бы статистика!...

Менѣе удивительно, но не менѣе замѣчательно и то явленіе, что склонность къ играмъ и жажда карточныхъ удовольствій весьма широко развита даже въ тѣхъ сферахъ, которыя не могутъ похвалиться ни особеннымъ избыткомъ досуга, ни житейскими удобствами. Мы сказали, что это не особенно удивительно по сравненію съ высшими и образованными классами; потому что—если эти классы, наиболее развитые, могли бы гораздо серьезнѣе и благороднѣе наполнять свое время, и если этого иногда не примѣчается тамъ, то почему же должно примѣчаться въ сферахъ менѣе развитыхъ и образованныхъ? Но за-то здѣсь съ особенною, можно сказать, яркостью выступаютъ тѣ горькіе плоды, которые произрастаетъ карточная игра. Здѣсь она облекается въ болѣе страстный и задорный характеръ, и ея жалкія удовольствія и волненія—покупаются иногда слишкомъ чувствительною и дорогою цѣною для ея любителей. Скучныя средства, добываемыя служебнымъ трудомъ, весьма, конечно, легко и просто разжаты и уничтожены игрою. Но что потомъ? Потомъ начинаются неприятности и ссоры, дѣлаются долги, и отыскиваются разные способы поправить дѣло, употребляются самыя отчаянныя и безразсудныя для сего средства, портящія людямъ иногда всю послѣдующую служебную должность. Подобные случаи не рѣдкость и въ высшихъ служебныхъ слояхъ; а въ низшихъ и среднихъ чиновничьихъ—они вещь довольно обыкновенная.

Но, оставя частныя случаи и отдѣльныя сцены игры, разнообразящіяся у насъ до безконечности, соответственно разнымъ слоямъ общественнымъ; ихъ вкусамъ и привычкамъ, попробуемъ снова обобщить эти сцены, и поставимъ вопросъ. Что значитъ, что удовольствія и забавы, пустыя сами по себѣ, и мелкія по своему внутреннему содержанию и характеру въ родѣ, напр., карточной игры, могутъ однакоже приобретать такое сильное и широкое значеніе въ нашемъ обществѣ, и такъ неумѣрно много поглощать нашего времени? «Праздны вы, праздны!»—говорилъ нѣкогда Фараонъ, царь Египетскій Евреямъ, стонавшимъ подъ его тяжелымъ игомъ. Но эти злыя слова могутъ имѣть надлежащій и полный смыслъ, если приложить ихъ къ нашему времени. Дѣйствительно, одолеваетъ насъ сильно духъ праздности,—тотъ самый, о которомъ церковь словами св. Ефрема Сирина молится, чтобы Господь не далъ его намъ! Этотъ духъ праздности называется даже въ той самой суетливой поспѣшности нашей, съ которой мы беремся иногда за рѣшеніе всяческихъ вопросовъ, какъ житейскихъ, такъ и общественныхъ и даже научныхъ; строимъ всевозможные планы для созиданія какъ своего личнаго, такъ и общественнаго благоденствія, а между тѣмъ дѣль-то нашихъ всегда выходитъ почему-то далеко меньше, чѣмъ нашихъ словъ и рѣчей. Все приходится намъ подражать и у другихъ, со стороны, занимать то добро, о которомъ, повидимому, мы такъ искренно мечтаемъ и сами.

Самодѣятельности и самостоятельной изобрѣтательности у насъ не оказывается. Можетъ быть это именно потому, что мы не охотники трудиться, и не привыкли серьезно работать своею мыслию. Судить и ридить обо всемъ мы любимъ, но болѣею частію такъ, чтобы это было при веселой обстановкѣ, въ обществѣ друзей и пріятелей, и даже за карточнымъ столомъ. Даже самыя дѣла благотворительности мы любимъ иногда дѣлать не иначе, какъ веселясь и играючи. Какіе же плоды могутъ созрѣть на такой мелкой и безсодержательной почвѣ? И не диво, что при подобномъ направленіи—игры и забавы и всяческія развлеченія сдѣлались у насъ какимъ-то повальнымъ недугомъ времени.

Переносъ вопросъ объ играхъ и забавахъ изъ сферы общественной жизни въ область религіозную, мы приходимъ еще къ худшимъ заключеніямъ и результатамъ. Если человѣку серьезному и дѣльному—въ житейскомъ смыслѣ не естественно наполнять свое время игрою, ибо это признакъ праздности и мелочности; то еще болѣе противоестественно христіанину беспечно тратить время на игорныя удовольствія. Истинный и искренній христіанинъ на каждую минуту своего времени смотритъ какъ на шагъ, приближающій его къ вѣчности. Онъ знаетъ, что цѣною земной жизни, не смотря на ея кратковременность, покупается судьба всей его загробной жизни. Человѣку серьезно занятому этою мыслию, человѣку, заботящемуся о своей душѣ и ея спасеніи, и имѣющему, по выраженію Писанія, печаль яже по Бозѣ, пойдетъ ли на умъ игра, и станетъ ли онъ искать въ ея удовольствіяхъ удовлетворенія своей умственной и нравственной жаждѣ? Такимъ образомъ, неумѣренное развитіе игорныхъ наслажденій, свидѣтельствуя о праздности и несерьезности тѣхъ кружковъ гдѣ они развиты, еще болѣе свидѣствуетъ объ отсутствіи въ нихъ крѣпкихъ религіозныхъ началъ, о суетномъ и грѣхолобивомъ направленіи цѣлаго строя жизни. Мы не то хотимъ сказать этимъ, чтобы съ картами соединилось что нибудь особенно преступное и безнравственное или антихристіанское: по самому существованію ихъ, онѣ слишкомъ ничтожны для этого; но онѣ могутъ служить вывѣскою или однимъ изъ признаковъ внутреннего содержанія въ человѣкѣ. Кто-то справедливо замѣтилъ: «скажи, съ кѣмъ ты знаешься,—и я скажу, каковъ ты?» Но кажется еще справедливѣе выразиться такъ: «скажи, чѣмъ ты занимаешься, и въ чѣмъ ты неходишь свои удовольствія, и я скажу тебѣ, высокою ли цѣною все внутреннее содержаніе твое!» Такъ вотъ, если св. Церковь плачетъ и поетъ въ своихъ храмахъ покаянныя пѣсни, если она призываетъ къ посту и прочимъ подвигамъ благочестія своихъ вѣрныхъ чадъ,—(*) а люди какъ и всегда, садятся за карточные столы, и беспечно проводятъ свои вечера въ игрѣ и веселомъ празднословіи,—то не значитъ ли это, что сіи люди не имѣютъ духа Христова, и не суть чада Церкви? А по выраженію Апостола—кто духа Христова не имѣетъ, тотъ (страшно сказать!) и не Его, не Христовъ! Чей же?!

Не подумать ли объ этомъ серьезнѣе? Дни наши незамѣтно бѣгутъ за днями. Неуловимое и лукавое время потихоньку проводитъ морщину за морщиной на нашихъ лицахъ. Мы и не примѣтимъ, какъ чувства наши, то одно—то другое, слегка начнутъ измѣнять намъ, а организмъ станетъ разстраиваться,—и наступитъ пора, когда потребуютъ отъ насъ отчета въ прожитой жизни, когда придется стоять на праведномъ судѣ Божіемъ и съ трепетомъ ждать рѣшенія своей судьбы. Чѣмъ тогда защититься, на что сослаться въ свое оправданіе? (Владимір. Епар. Вѣд.)

Свящ. М. Херасковъ.

— Великое дѣло возсоединенія греко-уніатовъ съ православною Церковію вызываетъ необходимыя мѣропріятія для благоустройства какъ религіозно-церковнаго, такъ и граждан-

(*) Статья эта взята изъ слова въ великій постъ, произнесеннаго во Владимірскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ 1874 года.

ско-политическаго быта воссоединившихся. Мы слышали изъ достовѣрнаго источника, что министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ дѣла греко-уніатской церкви, проникнутое самымъ горячимъ сочувствіемъ къ совершающимся въ Холмщинѣ событіямъ, оставило за собою все заботы о вѣншемъ благѣ холмитянъ, т. е. устройствѣ ихъ политическаго и гражданскаго быта, вслѣдствіемъ огражденіи ихъ отъ мѣстныхъ враждебныхъ элементовъ и т. под.; а заботу о благоустройствѣ религіознаго и церковнаго быта воссоединившихся передало Святѣйшему Синоду, отъ котораго уже и будетъ зависѣть благополучный исходъ всего этого дѣла. Мы слышали далѣе, что на первый разъ Св. Синодъ предполагаетъ дѣла бывшей греко-уніатской Холмской епархіи передать въ вѣдѣніе варшавскаго архіепископа. Существованіе такого предположенія объясняется, какъ нужно думать, неизбѣжными, вѣдѣ за совершеніемъ столь важнаго переворота въ судьбахъ уніатства, хотя и чисто вѣншими, матеріальными затрудненіями. Но естественно желать, чтобы дѣло на этомъ не остановилось. Позволяемъ себѣ высказать мысль, чтобы бывшая греко-уніатская Холмская епархіа была обращена *въ самостоятельную православную епархію*, съ назначеніемъ епископомъ Холмскимъ высокочтимаго лица, патриотизму, христіанской любви, уму и энергіи котораго современные намъ остатки брестской уніи обязаны счастьемъ возвращенія въ лоно матери ихъ, церкви православной. Съ одной стороны, образованіе православной Холмской епархіи находитъ для себя совершенно готовую почву: въ Холмѣ имѣются кафедральный соборъ, консисторія, духовная семинарія и до 300,000 членовъ паствы, размѣщенной въ 12-ти благочиніяхъ и 264 приходяхъ; съ другой стороны, независимость новой православной епархіи сохранить за нею прежній авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія и придасть ей новую силу для благотворнаго вліянія на уніатовъ, какъ въ утверженіи воссоединившихся на благомъ пути, на который они нынѣ благополучно вступили, такъ и въ привлеченіи остающихся въ уніатствѣ въ лоно православія. Наконецъ, назначеніе православнымъ Холмскимъ епископомъ лица, которое само находилось въ уніи и оказало столь могущественное вліяніе на благотворный исходъ послѣдняго движенія, не можетъ не сопровождаться такимъ же успѣхомъ въ смыслѣ утверженія населеній Холмщины въ началахъ православія, какъ и оставленіе на архіерейскихъ кафедрахъ сѣверо-западной Россіи бывшихъ уніатскихъ святителей въ 1839 году. Просвѣщенная ревность по Бозѣ, глубоко патриотическія и христіанскія чувства лица, о которомъ мы говоримъ, наконецъ самое знакомство его съ бытомъ и стремленіями мѣстныхъ населеній служатъ въ томъ достаточнымъ ручательствомъ.

(Церк.-Общ. Вѣст.)

— По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *Духовною Бесѣдою*, въ настоящее время число воссоединенныхъ съ православною церковью уніатовъ опредѣляется слѣдующими цифрами:—87 приходоѡ, 62 священника и 93 тыс. прихожанъ въ сѣдлецкой губерніи. Затѣмъ воссоединяются: въ люблинской губерніи 147 приходоѡ, 122 приходскихъ священника, 12

протоіерееѡ и священниковъ Холмскаго собора, духовной консисторіи и семинаріи, и 132.600 прихожанъ; въ сувальской и ломжинской губерніяхъ—9 приходоѡ, 6 священниковъ и 11,600 прихожанъ. Остаются въ уніи не представившіе заявленія о своемъ желаніи возвратиться въ православную церковь: въ сѣдлецкой губерніи соколовское благочиніе—22 приходоѡ, 22 священника и 25 тысячъ душъ прихожанъ, и въ Варшавѣ 1 приходъ съ 1 священникомъ и съ 2 тысячами прихожанъ. Удалилось въ Галицію священниковъ: изъ люблинской губерніи 6 изъ сѣдлецкой 9.

— **Замысловатый отвѣтъ Петра Великаго на ходатайство еврееѡ о дозволеніи имъ жить въ русскомъ государствѣ *).** Когда Петръ Великій находился въ Голландіи и старался всеми мѣрами привлечь въ Россію фабрикантоѡ, ремесленниковъ и купцоѡ, тогда хитрые амстердамскіе евреи рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ. Они обратились съ просьбою ходатайствовать за нихъ къ амстердамскому бургомистру Вицену, который пользовался особымъ расположеніемъ русскаго государя. Просители для большей убѣдительности ходатайства просили Вицена предложить государю подарокъ въ 100 тыс. гульденоѡ, т. е., около 100 тыс. руб. на теперешніи деньги. Петръ Великій, выслушавъ просьбу еврееѡ, далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „Другъ мой, Виценъ, ты знаешь еврееѡ и образъ мыслей моихъ подданныхъ, и я также знаю тѣхъ и другихъ. Не время еще евреямъ позволять пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ моимъ именемъ, что я ихъ благодарю, но притомъ однакожъ сожалею, что они хотять поселиться въ Россіи, ибо хотя они и почитаются, что умѣютъ искусно обманывать весь свѣтъ, однакожъ я думаю, что не много у моихъ русакоѡ выторгуютъ“.

Содержаніе № 18.

ПРАВИТ. РАСПОР. Воссоединеніе уніатовъ Сувальской губ. Объ освобожденіи домоѡ священно-церк.-служителей отъ оцѣночнаго город. сбора. О расторженіи брака крещеной изъ іудейства жены съ мужемъ евреемъ. О разрѣшеніи священнику слушать курсъ медицин. наукъ. **МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.** Некрологи. Вакансіи. **НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.** Пріѣздъ Высокопреосвященнѣйшаго Макарія въ Троицко-Серіеву Лавру для ревизіи дух. академіи. Укладъ. О карточной игрѣ. По вопросу о воссоединеніи Холмскихъ уніатовъ. Отвѣтъ Петра В. на просьбу еврееѡ.

Предыдущій № сданъ на почту 30-го Апрѣля.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Котовичъ.

*) Сказанія о Петрѣ В. Штелина стр. 30—34.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей
Николай Дмитревскій.

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія
г. Вильна. Ивановская у. № д. 11—1875 г.